

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

«ЛЮБОВЬ – ЭТО ПЛОТЬ И КРОВЬ...»

Стихотворения и поэмы

Санкт-Петербург

СТИХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА¹

Всему внимая чутким ухом,
— Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

¹ *Нина Джаваха* — героиня повести Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937) «Княжна Джаваха». — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.

Как восковые — ручки, лобик,
На бледном личике — вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье — лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

НА СКАЛАХ

Он был синеглазый и рыжий
(Как порох во время игры!),
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя¹ усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он — мой!» — «Нет — он мой!» —
«Почему ж?»

Володя решает: «Вы обе!
Вы — жены, я — турок, ваш муж».

Забыто, что в платяцах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»

¹ *Володя* — Володя Миллер, сын хозяина пансиона в Нерви (Италия), старший товарищ сестер Цветаевых.

— «Домой! Ася, Муся, Володя!»
— Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим — как взрослые — трубки,
Мы — воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, — о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
— Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

В OUCHY¹

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

— «Всё в знаньи, скажут вам науки...
Не знаю... Сказки — хороши!»
О эти медленные звуки,
О эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

¹ *Ouchy* (Ушй) — предместье Лозанны, где одиннадцатилетняя Марина с сестрой Асей учились в пансионе и где их навещала мать.

МАМА НА ЛУГУ

Вы бродили с мамой на лугу,
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!»

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Всё цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, —
До конца лишь сердце нам закон!»

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ

«Да, для вас наша жизнь действительно
в тумане».

Разговор 20-го декабря 1909 г.

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом — смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны — в темноте!

Нас вальс и вечер — всё тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах,
Орchestra пение вдали —
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!» —
Что будет розовым закат.

СЕСТРЫ

«Car tout n'est que rêve, ô ma soeur!»¹

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: «Ах!..»
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!..»
Раскрыл объятия — зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

27–30 декабря 1909

¹ «Ибо всё лишь сон, о моя сестра!» (фр.)

СЛЕДУЮЩЕМУ

Quasi una fantasia¹.

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явленье,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь — удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
— С дерзким надменны мы, с робким
застенчивы,
С мальчиком — дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек,
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

ОШИБКА

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой — она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда, пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми — все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Всё тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.